

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'27+81'42

ББК 81

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-104-111

Е. В. Лаврентьева,
Т. И. Стексова
Новосибирск, Россия

Elizaveta V. Lavrent'eva,
Tat'yana I. Steksova
Novosibirsk, Russia

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ОБВИНЕНИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕVERBAL ASSOCIATIONS
AS A COMPLEMENTARY SOURCE
OF MATERIAL IN COMPLEX STUDY
OF SPEECH GENRES

Проблема определения границ жанра, его вариативности или перехода в другой жанр привлекает внимание современных лингвистов, но до сих пор этот вопрос остается дискуссионным. Статья посвящена проблеме функционирования речевого жанра в разных сферах общения. На примере жанра обвинения прослеживаются изменения инварианта жанра в политическом дискурсе, вариативность в характеристике жанрообразующих признаков: образа автора и адресата, коммуникативной цели. Выясняется роль интерпретатора в жанровой квалификации высказывания, при этом отмечается важность ответной реплики обвиняемого или интерпретатора.

Ключевые слова: речевой жанр, функционально-стилевые варианты, политический дискурс, обвинение, жанрообразующие признаки, интерпретация, вариативность.

Modern linguists are trying to solve the problem of determining the boundaries of the genre, its variability or transition to another genre. But until now this issue remains controversial. The article is devoted to the problem of the functioning of the speech genre in various spheres of communication. On the example of the prosecution genre changes in the invariant of the genre in the political discourse, the variability in the characteristic of genre-forming characters: the image of the author and the addressee, the communicative goal are traced. The authors find out the role of the interpreter in the genre qualification of the utterance, while noting the importance of the replica of the accused or interpreter.

Key words: speech genre, functional-style variants, political discourse, accusation, genre-forming features, interpretation, variability.

Сведения об авторах: Стексова Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания.

Место работы: Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: steksova@inbox.ru

ORCID 0000-0002-5469-7486

Лаврентьева Елизавета Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Русский язык и восточные языки».

Место работы: Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск.

E-mail: lev300374@mail.ru

ORCID 0000-0003-2398-2257

About the authors: Steksova Tat'yana Ivanovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian Language and Methods of Teaching it.

Place of employment: Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: steksova@inbox.ru

ORCID 0000-0002-5469-7486

Lavrent'eva Elizaveta Vladimirovna, Ph. D. in Linguistics, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Eastern Languages.

Place of employment: Siberian State University of Railways, Novosibirsk.

E-mail: lev300374@mail.ru

ORCID 0000-0003-2398-2257

Введение

М. М. Бахтин определяет речевые жанры как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [1: 242]. Каждой сфере общения и деятельности присущ свой репертуар жанров. Важно отметить, что стиль является

значимым компонентом жанрового единства, входя в него наряду с темой и композицией. Соответственно можно сделать вывод, что, с точки зрения М. М. Бахтина, при изменении стиля высказывания произойдет некое изменение жанра (не обязательно оно будет заключаться в смене жанра, возможно и варьирование в рамках одного «типа

высказывания», но, так или иначе, некоторое преобразование произойдет). В концепции М. М. Бахтина при помощи понятий первичного и вторичного речевого жанра высказана идея о связях между ними. Проблема определения границ жанра, его вариативности или перехода в другой жанр привлекает внимание современных лингвистов, но до сих пор этот вопрос остается дискуссионным [2–6]. В. А. Салимовский, Д. В. Яруллин в своей статье обсуждают вопрос об иллюкутивной функции речевого высказывания как критерии его жанровой идентификации [7]. Бесспорно, иллюкутивная сила во многом определяет тождество жанра, но нам представляется, что это не единственный возможный критерий.

Цель данной статьи – квалифицировать жанровую принадлежность высказываний с семантикой обвинения, функционирующих в политическом дискурсе, и попытаться ответить на вопросы: насколько серьезные семантические сдвиги претерпевают обвинительные высказывания при изменении сферы функционирования жанра?; можно ли различия квалифицировать как внутрижанровые преобразования или изменение сферы функционирования влечет за собой смену жанра?

Функционирование жанра обвинения в разговорно-бытовом дискурсе

Жанр обвинения функционирует преимущественно в трех сферах: разговорно-бытовой, судебной и политической¹. Для воплощения речевого жанра (далее – РЖ) обвинения в повседневной речевой практике обязательно наличие трёх участников: 1) обвинителя; 2) пострадавшего, которому был нанесён ущерб. В стандартной ситуации пострадавший – это субъект обвинения, автор обвинительного высказывания. Однако нужно отметить, что совпадение пострадавшего и говорящего, продуцирующего обвинительное высказывание, в одном лице не является обязательным условием воплощения жанра; 3) обвиняемого, т. е. лица, причинившего ущерб, при этом обвиняемый является и адресатом обвинительного высказывания. Для реализации обвинения нужен еще один компонент – сам причиненный ущерб, т. е. основание обвинения:

– Вы, Шариков, третьего дня укусили даму на лестнице, – подлетел Борменталь... (М. Булгаков. Собачье сердце).

В данном фрагменте эксплицируются все компоненты семантической модели жанра: субъект обвинения (говорящий – Борменталь),

объект обвинения (адресат – Шариков), потерпевший (дама) и основание обвинения (поступок, ненормативность которого является пресуппозицией высказывания).

Обвинение в разговорной сфере – это всегда межсубъектное взаимодействие, характерным признаком которого является обязательная непосредственная обращенность к собеседнику.

Было установлено, что обвинение в разговорной сфере представляет собой полиинтенциональный жанр, коммуникативная цель которого включает два компонента – отрицательную оценку и воздействие на эмоциональное состояние адресата. Перлюкутивный эффект обвинительных высказываний заключается в осознании адресатом чувства вины и ответственности, возникновения у него желания изменить свое невербальное поведение. Способность обвинения выражать негативную оценку и тем самым создавать эмоциональный дискомфорт адресата стало основанием для квалификации обвинения как оценочно-эмотивного жанра, а принадлежность к сфере действий, человеческих поступков позволило отнести обвинение к периферии императивных жанров [9, 10]. Подтвердим примером:

*Из кабинета выглянул Токарь и говорит:
– Опять жуете на посту, Барковец?!
– Ничего подобного, товарищ капитан, – возразил, отвернувшись, дневальный.
– Что я не вижу?! Уши шевелятся... Позавчера вообще уснули...
– Я не спал, товарищ капитан. Я думал. Больше этого не повторится. (С. Довлатов. Зона. Записки надзирателя).*

Несмотря на эксплицированное категоричное отрицание вины адресатом («Ничего подобного... Я не спал»), коммуникативная и перлюкутивная цели обвинения достигнуты, о чем свидетельствует обещание не совершать подобных проступков («Больше этого не повторится»).

Как уже отмечалось, в разговорно-бытовом обвинении наряду с оценочной интерпретацией центральное положение занимает идея ответственности лица за сознательно совершенный ненормативный поступок. По Ч. Филмору, в значении глагола «обвинять», в состав которого входят семы «говорить», «нести ответственность», «считать», «плохо», сема «нести ответственность» является ядерной [цит. по: 1: 119]. Как известно, высказывания с эксплицированным перформативом способны однозначно выразить интенцию говорящего. Однако перформативные высказывания – нетипичная и нечастотная форма реализации

¹Оговоримся, что обвинение в судебной сфере подробно исследовано Т. В. Дубровской [8] и в данной статье не будет предметом специального анализа.

разговорно-бытового обвинения, что объясняется осознанием говорящим конфликтоопасности обвинительных речевых действий.

В сфере повседневно-бытовой коммуникации известность, очевидность обстоятельств делают естественной структурную неполноту обвинительных высказываний, обуславливая отсутствие доказательной части. В повседневном дискурсе обвинение может функционировать как элементарное оценочное высказывание, например:

Аникеева. Вы – клязница! (Э. Брагинский, Э. Рязанов. Гараж).

Функционирование жанра обвинения в политическом дискурсе

Обвинительные высказывания, функционирующие в политическом дискурсе, имеют свою специфику. Заметим, что политический дискурс нами, как и многими другими исследователями [11–17], понимается широко: это не только высказывания политиков, но и обсуждение политических проблем в СМИ, Интернете. Высказывания политиков относятся к ядру политического дискурса, публикации журналистов, политологов в масс-медиа на политические темы формируют ближнюю периферию, а высказывания читателей и зрителей по поводу политиков и политики, разного рода комментарии образуют дальнюю периферию. Именно поэтому специфика обвинительных высказываний заключается в особом характере коммуникативного взаимодействия, участники которого отличаются от стандартного в количественном и качественном отношении. В политическом дискурсе субъектом обвинения может быть сам говорящий, как в следующем примере:

От имени арабских патриотов, заявляет Каадан, я обвиняю правительство США, являющееся главным подстрекателем и организатором преступных происков против сирийского народа (Письмо редактора сирийской газеты президенту США // Северный колхозник. 1957. 19 окт.).

Но обычно обвинитель предстает в политическом дискурсе опосредованно. В роли посредника, интерпретирующего обвинительные высказывания, выступают третьи лица, чаще всего представители масс-медиа. Обратимся, например к выступлению В. В. Жириновского 15 февраля 2017 в Государственной Думе:

Преступления у вас, в Московской области! Самая преступная, криминальная область... подкуплены все! Бандиты и воры в Московской области! ... Видишь, что они делают, «Единая Россия»? Вот они – подкупленные депутаты, подкупленные сто раз...

Реакцией на это выступление было высказывание вице-спикера Госдумы от «Единой России» Сергея Неверова:

Любые политические выступления могут быть эмоциональными, но не должны быть оскорбительными и тем более уж хамскими. Именно избиратели решили, кто будет представлять их в Госдуме, и я хочу сказать: «Господа, некоторые юристы, уважайте нашу Конституцию и институт презумпции невиновности. Только суд может определить, кто преступник, а то мы уже здесь с трибуны Госдумы о расстрелах заговорили сидящих в зале!».

Как показывает анализ этого текста, вице-спикер усмотрел в выступлении Жириновского обвинение ряда депутатов и требование их наказания. Подобная интерпретация высказывания Жириновского отразилась и в текстах журналистов, в частности в следующем²:

Ранее сообщалось, что в ходе выступления на пленарном заседании Жириновский обвинил «Единую Россию» в подкупе на выборах в Московской области, в частности, в Рузском районе, от которого Оксана Пушкина избрана представителем в Госдуму. (URL: http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201703151637-).

Объект обвинения (обвиняемый) и адресат обвинительного высказывания обычно не совпадают, так как обвинительные высказывания адресованы не непосредственному объекту обвинения, они ориентированы прежде всего на массового рассредоточенного адресата. При этом границы как субъекта, так и объекта обвинения размываются: это не конкретная личность, это некий сегмент социума (истеблишмент, русские хакеры, террористические группировки). Подтвердим примером:

Россию неоднократно обвиняли во вмешательстве в выборы президента США с помощью хакеров. Американские журналисты и чиновники утверждали, что они якобы похитили корреспонденцию демократов, позже выложенную в интернете, а также пытались проникнуть в электронную систему подсчета голосов. Американские спецслужбы охарактеризовали эти действия как широкомасштабную операцию, призванную помочь Дональду Трампу победить в борьбе за пост президента и очернить его соперника, представительницу демократов Хиллари Клинтон (Мир Лента.ru).

Как демонстрирует данный фрагмент, определить, кто является субъектом и объектом обвинения в политическом дискурсе крайне сложно. В роли обвинителей выступают американские журналисты, чиновники и спецслужбы. Обвиняемый выражен с помощью метонимии – Россия. Также в качестве обвиняемых называются хакеры. Но ни в первом, ни во втором случае конкретные имена не называ-

²Более подробно о вариативности жанровой интерпретации в политическом дискурсе см. [14].

ются. Таким образом, отсутствие тождества между обвиняемым и адресатом обвинительного высказывания и нечеткость их границ становятся определяющими факторами воплощения политического обвинения, что отличает его от разговорно-бытового.

Объединяет разговорные и политические обвинительные высказывания наличие основания обвинения – ненормативные действия объекта обвинения (обвиняемого), играющие роль каузатора неблагоприятного положения дел и заслуживающие не столько морально-этической, сколько социально-правовой оценки.

Степень императивности обвинительных высказываний значительно повышается в случае реализации их в сфере судопроизводства. Т. В. Дубровская подчеркивает ярко выраженный императивный характер судебных обвинений, представленных в обвинительном заключении следователя и приговоре прокурора [15:123]. Задача следователя – обосновать вину подсудимого и убедить прокурора дать делу дальнейший ход, при этом существенную роль в обвинительном заключении играет отражение причинно-следственных отношений между совершаемыми действиями и теми последствиями, которые эти действия влекут за собой. Императивность речи прокурора особенно наглядно проявляется в финальной части обвинения, побуждающей суд к вынесению приговора и определению меры наказания, например:

Прошу назначить наказание Авдону в виде 4 лет лишения свободы с отбытием в исправительной колонии строгого режима (пример Т. В. Дубровской).

В политическом дискурсе обвинение теряет свою императивность. Специфика политического дискурса как коммуникативной сферы заключается в установке на формирование общественного мнения путём манипулирования информационным потоком, что становится возможным благодаря оценочному воздействию, которое оказывают тексты политического характера. Это характерно и для высказываний, содержащих обвинительную семантику. Перлокутивный эффект, свойственный разговорно-бытовому обвинению, меняет свой характер. Обвинитель не ставит перед собой цель повлиять на действия объекта обвинения, более того, он не обладает такой возможностью, так как в этом случае речевые действия должны сместиться в плоскость реальных политических или дипломатических решений. Так, обвинение русских хакеров во вмешательстве в результаты выборов в США не имеет никаких последствий для самих хакеров и никак не отразится на их дальнейшем поведении.

В политическом дискурсе меняется мотив осуществления обвинительных высказываний – прежде всего, это дискредитация объекта обвинения. Политические обвинения, утрачивая императивность, сближаются с инвективными жанрами, суть которых «не в оценке, а в “наезде” (инвективе)» [16: 125], но при этом служат основанием, мотивом или предлогом для неких действий, которые в дальнейшем предпринимают обвинители (как, например, обвинение России в аннексии Крыма и участии в войне на Донбассе послужили основанием для введения антироссийских санкций).

В политическом дискурсе идея ответственности не теряет свою актуальность, обвинительные высказывания представляют собой попытку приписать кому-либо ответственность за те или иные политические события, при этом стоит отметить, что перформатив «обвиняю» используется единично, а частотность использования глагола, номинирующего РЖ обвинение, объясняется тем, что обвинение дается «в пересказе» интерпретатора-журналиста. Вернемся к примеру (4): *Россию неоднократно обвиняли во вмешательстве в выборы президента США с помощью хакеров*. Глагол-имя жанра появляется в речи журналиста, который отмечает, что *Американские журналисты и чиновники утверждали, что они якобы похитили корреспонденцию демократов...* Американские журналисты не использовали перформатив «обвиняю», они лишь утверждали, а их утверждение было интерпретировано российским журналистом как обвинение.

Актуализация смысла ответственности в обвинении определяет обязательность обоснованности обвинительных речевых действий, что демонстрируют данные ассоциативного словаря: обвинение зафиксировано как наиболее частотная ассоциативная реакция на стимул *доказано* [17]. Следовательно, для успешного воплощения обвинительного высказывания необходимы доказательства, подтверждающие факт ответственности обвиняемого лица. Наличие доказательств становится неременным условием реализации судебных обвинений. Обвинительное заключение предполагает включение не только перечня и квалификации действий обвиняемого, но и показаний обвиняемого и свидетелей, отсюда использование клишированной формулы: *На основании изложенного обвиняются...* Таким образом, в силу специфики процесса судопроизводства судебное обвинение представляет собой комплексный монологический тип текста, обязательным компонентом которого является доказательство, аргументация обоснованности положений обвинения.

Для политических обвинений наличие доказательств должно являться обязательным

условием их осуществления, но, как показывают наблюдения, не является, более того, минимальная степень облигаторности доказательств становится дифференцирующим признаком политических обвинений, что объясняется мотивом – дискредитировать, а не доказать. Однако это не отменяет того, что говорящий может указать на коммуникативную ущербность бездоказательного обвинения. Подтвердим примером:

Мегин Келли: Что касается взаимоотношений России и США, одним из элементов взаимоотношений России и США, России и Европы является предположение, что Россия вмешивалась в ход выборов. В интервью французской газете вы сказали, что Россию обвинили в том, что она вмешивалась в выборы. Все 17 агентств по разведке сделали этот вывод. Это были беспартийные специалисты, и республиканцы, и демократы, и те, кто поддерживал президента Трампа, и те, кто защищал вас. А также частные компании. Они все сказали. Они что все неправы?

В. В. Путин: Вы читали эти отчеты?

Мегин Келли: Я публичную, общественную, т. е. незасекреченную версию читала.

В. В. Путин: Публичную, общественную? Т. е. никакую. Я читал эти отчеты. Даже в этих отчетах нет ничего конкретного. Там только предположения и выводы на основе этих предположений. Вот если что-то конкретное, тогда будет предмет обсуждения. Как в одной организации, в которой я работал: адреса, явки, фамилии. Что касается независимых источников. Нет ничего независимого в этом мире. Глупость полная. Мне кажется это должно прекратиться (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3tJIZ5fuJ9A>).

В данном фрагменте интервью Мегин Келли говорит о предположении, которое В. В. Путин (в интервью французской газете) расценил как обвинение. Здесь же В. В. Путин подчеркивает, что отсутствие конкретного исполнителя (адреса, явки, фамилии) лишает обвинение основания, отсутствие доказательств делает обвинительное высказывание несостоятельным, превращает его в предположение или клевету. Итак, как показывают примеры, чаще всего в политическом дискурсе обвинение подается косвенным образом, маскируясь под утверждение, предположение и другие жанры, так как прямое обвинение требует доказательств и принятия мер, какого-либо наказания. Бездоказательные обвинения негативно оцениваются социумом, что требует либо вербального, либо невербального извинения, как в следующем примере:

И если бы данный западный политический институт влияния не отказался от заведомо ложных обвинений России в аннексии Крыма, в оккупации Донбасса и так далее, – вполне логично от союзника ожидать, что он откажется от проведения данного

антироссийского мероприятия (URL: https://regnum.ru/news/polit/2295370.html?utm_source=infox.sg).

Заключение

Таким образом, можно говорить, что в политическом дискурсе наблюдается качественное изменение жанра, такие определяющие жанрообразующие признаки, как коммуникативная цель, образ автора и образ адресата политического обвинения подвергаются значительной конверсии. Однако доказательством того, что перед нами не новый самостоятельный жанр, использующий номинацию обвинения, а «функционально-стилевые варианты» (по терминологии Т. И. Стекловой) [3], или модификация инварианта (по М. А. Кантуровой) [6], служит реакция на информативное содержание обвинения – РЖ оправдания.

Оправдание может быть представлено двумя разновидностями, в основе разграничения которых лежит отношение говорящего к диктумному содержанию обвинения:

– оправдание₁ – говорящий не признает вину и протестует против событийного факта или его толкования, тем самым утверждая свою невиновность;

– оправдание₂ – говорящий признает свою виновность, но приводит какие-либо доводы в свою защиту, тем самым минимизируя степень виновности.

В разговорно-бытовой сфере отмечается большая частотность использования носителями языка оправдания₁, в котором отрицается тезис обвинения, и реже используется оправдание₂ [9]. В политическом дискурсе наблюдается использование исключительно первой разновидности жанра, что можно объяснить мотивом обвинительных высказываний – дискредитировать оппонента:

Москва отрицает подобные обвинения. Президент Владимир Путин не исключил, что таинственные хакеры вполне могли базироваться в США.

«Хакеры могут быть где угодно. Они могут быть в России, в Азии, даже в Америке, в Латинской Америке. Это могут быть хакеры, кстати сказать, в Соединенных Штатах, которые очень ловко и профессионально перевели стрелки на Россию. В ходе политической борьбы им было, по каким-то соображениям, удобно выпустить эту информацию. Они ее выпустили, сославшись на Россию. Вы не можете такое допустить? Я могу», – заявил Путин.

1 июня российский лидер высказал мнение, что вмешательство хакеров в принципе не может повлиять на результаты выборов в какой-либо стране. Он подчеркнул, что Москва «на государственном уровне не занимается этим и не собирается заниматься». Наоборот, мы всячески стараемся бороться внутри страны» (Мир Лента.ру).

(11) Американское внешнеполитическое ведомство **отвергло заявления РФ, обвинившей** Соединенные Штаты в косвенной поддержке террористических формирований на территории Сирии, в результате которой в окрестностях сирийского Дейр-эз-Зора погиб российский генерал Валерий Асапов, сообщает Федеральное агентство новостей.

Помимо этого, представитель Госдепартамента США негативно воспринял заявление российской стороны о «двуличной» позиции Штатов касательно операций в арабской республике. Он подчеркнул, что силы международной коалиции, возглавляемые американским командованием, в Сирии преследуют лишь одну цель – ликвидацию террористической группировки «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ). По словам представителя американского МИД, «заявления, что США поддерживают ИГ или потворствовали гибели российского командира, **не основываются на фактах**» (URL: <https://jrgazeta.ru/ssha-otritsayut-obvneniya-rtf-v-svoy-adres-posle-gibeli-rossiyskogo-general-a-v-sirii/>).

(12) В СБУ назвали «**безосновательными**» обвинения лидера партии «Рух новых сил», экс-главы Одесской областной государственной администрации Михаила Саакашвили относительно попытки якобы его прослушивания.

«СБ Украины **опровергает безосновательные обвинения** Саакашвили относительно попытки якобы его “прослушивания” сотрудниками спецслужбы», – сообщает пресс-центр СБУ в Facebook.

Служба безопасности Украины напомнила, что работает «исключительно в правовом поле укра-

инского законодательства и не осуществляет подобных процессуальных действий без решения суда за гражданами, какой бы статус они не имели» (<http://hvylya.net/news/exclusive/v-sbu-otritsayut-obvneniya-saakashvili-otnositelno-popyitki-ego-proslushivaniya.html>).

Представленные примеры демонстрируют, что в ответ на политическое обвинение звучит протестное категоричное непризнание вины, основанием которого становится именно декларативность обвинительного высказывания, обусловленная отсутствием в нем доказательной части.

Итак, можно согласиться с В. А. Салимовским и Д. В. Яруллиным в том, что «наличие у многочисленных жанровых вариантов общей исходной целеустановки, по-разному актуализируемой в различных коммуникативных условиях» [7: 156] является фактором, определяющим инвариант жанра, а вариативность жанра обусловлена и сферой его функционирования, и образами автора и адресата. В ходе анализа жанрообразующих признаков РЖ обвинения, функционирующего в разговорной и политической сферах, было установлено, что, действительно, при смене стиля высказывания наблюдается качественная трансформация некоторых жанрообразующих параметров (таблица).

Сопоставление обвинения в разных дискурсах
Comparison of the charge in different discourses

Параметр	Дискурс	
	разговорно-бытовой	политический
Обвинитель	Непосредственно говорящий	Чаще опосредован (представители масс-медиа)
Пострадавший	М.б. равен обвинителю; м.б. третьим лицом	Не равен обвинителю
Обвиняемый	Конкретный Обвиняемый = непосредственный адресат (как правило)	Неконкретный, некий сегмент социума Обвиняемый ≠ непосредственный адресат
Основание для обвинения	Ненормативные действия обвиняемого	Ненормативные действия обвиняемого
Коммуникативная цель	Отрицательная оценка + воздействие на эмоциональное состояние обвиняемого	Дискредитация объекта обвинения в глазах третьих лиц, осуществляемая путем выражения отрицательной оценки действий обвиняемого и воздействия на эмоциональное состояние адресата
Наличие доказательной части в обвинительном высказывании	Частотность структурно неполных высказываний	Минимальная степень обязательности включения в высказывание аргументации
Перлокутивный эффект	Чувство вины, желание изменить поведение	Формирование общественного мнения
Реактивное высказывание	Оправдание ₁ – непризнание вины и утверждение невиновности; оправдание ₂ признание вины + минимизация степени виновности	Оправдание ₁ – непризнание вины и утверждение невиновности

Тем не менее стабильный характер реактивных высказываний, а именно воплощение РЖ оправдания, свидетельствует о том, что адресат безошибочно прочитывает иллюкативную функцию высказываний и, несмотря на изменившийся облик жанра, интерпретирует его как обвинение, что дает основание квалифицировать все преобразования как внутрияжанровые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Орлова Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка»: К вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи: сб. ст. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 51–56.
3. Стеклова Т. И. Функционально-стилевые варианты речевого жанра просьбы // Проблемы интерпретационной лингвистики: Интерпретаторы и типы интерпретации: сб. науч. ст. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. С. 89–99.
4. Стеклова Т. И. Речевой жанр обещания в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 63–67.
5. Стеклова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9–10). С. 81–88.
6. Кантурова М. А. Деривационные процессы в системе речевых жанров (на примере речевого жанра кулинарного рецепта): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2012. 169 с.
7. Салимовский В. А., Яруллин Д. В. О тождестве речевого жанра // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 151–159.
8. Дубровская Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. 272 с.
9. Лаврентьева Е. В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 261 с.
10. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. М.: Едиториал УРСС, 2004. 352 с.
11. Плотникова С. Н. Политик как конструктор дискурса реагирования // Политический дискурс в России: материалы постоянного действующего семинара / под ред. В. Н. Базылева, В. Г. Красильниковой. 2005. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 8.
12. Ровинская Т. Л. Роль СМИ в деятельности «зеленых» партий (опыт США и ФРГ) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2002. № 6. С. 85–98.
13. Шейгал Е. И. Семантика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 328 с.
14. Стеклова Т. И. Вариативность жанровой интерпретации в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2017. № 4. С. 28–35.
15. Дубровская Т. В. Судебные документы и речи обвинителей как образцы речевых жанров «обвинение» и «осуждение» // Филологические этюды: сб. науч. ст. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002. Вып. 5. С. 123–126.
16. Шарифуллин Б. Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблемы инвективы // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 120–132.

17. Русский ассоциативный словарь: От стимула к реакции: около 7000 стимулов: в 2 т. / под ред. Ю. Н. Караулова, Г. А. Черкасова, М. В. Уфимцева. М.: АСТ: Астрель, 2002. Т. 1. 782 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Esthetics of written word]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p. (in Russian).
2. Orlova N. V. Zhanry razgovornoy rechi i ikh «stilisticheskaya obrabotka»: K voprosu o sootnoshenii stilya i zhanra [Genres of colloquial speech and their “stylistic processing”: On the question of the relationship between style and genre]. *Zhanry rechi. : sb. st. Vyp. 1.* [Speech Genres. Iss. 1]. Saratov, GosUNTs “Kолledzh”, 1997. pp. 51–56 (in Russian).
3. Steksova T. I. Funktsionalno-stilevye varianty rechevogo zhanra prosby [Functional-style versions of the speech genre of the request]. In: *Problemy interpretatsionnoy lingvistiki: Interpretatory i tipy interpretatsii: sb. nauch. st.* [Problems of interpretational linguistics]. Novosibirsk, Izd-vo NGPU, 2004, pp. 89–99 (in Russian).
4. Steksova T. I. Rechevoy zhanr obeshchaniya v politicheskom diskurse [The speech genre of promises in political discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2011, no. 4, pp. 63–67 (in Russian).
5. Steksova T. I. Kommentariy kak rechevoy zhanr i ego variativnost [Commentary as a speech genre and its variability]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2014, no. 1–2 (9–10), pp. 81–88 (in Russian).
6. Kanturova M. A. Derivatsionnye protsessy v sisteme rechevykh zhanrov (na primere rechevogo zhanra kulinarnogo retsepta) [Derivational processes in the system of speech genres (on the example of the speech genre of the recipe)]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Novosibirsk, 2012. 169 p. (in Russian).
7. Salimovskiy V. A., Yarullin D. V. On the Identity of the Speech Genre [Speech Genres], 2017, no. 2 (16), pp. 151–159 (in Russian).
8. Dubrovskaya T. V. *Rechevye zhanry «osuzhdenie» i «obvinenie» v russkoy i angliyskoy lingvokulturakh* [Speech genres are “condemnation” and “accusation” in Russian and English linguocultures]. Penza, Izd-vo PGU, 2014. 272 p. (in Russian).
9. Lavrenteva Ye. V. Rechevye zhanry obvineniya i opravdaniya v dialogicheskom edinstve [Speech Genres of Prosecution and Justification in Dialogical Unity]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Novosibirsk, 2006. 261 p. (in Russian).
10. Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, Izd-vo Yeditorial URSS Publ., 2004. 352 p. (in Russian).
11. Plotnikova S. N. Politik kak konstruktor diskursa reagirovaniya [The politician as a designer of the discourse of reaction]. *Politicheskij diskurs v Rossii: materialy postoyanno deystvuyushchego seminar. Vyp. 8* [Political Discourse in Russia: Materials of constant seminar. Iss. 8]. Moscow, MAKS Press Publ., 2005 (in Russian).
12. Rovinskaya T. L. Rol SMI v deyatelnosti «zelenykh» partiy (opyt SShA i FRG) [The role of the media in the activities of “green” parties (the experience of the US and Germany)]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 12. Politicheskije nauki* [Moscow University Vestnik. Ser. 12. Political sciences], 2002, no. 6, pp. 85–98 (in Russian).

13. Sheygal Ye. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [The Semiotics of Political Discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 328 p. (in Russian).

14. Steksova T. I. Variativnost zhanrovoy interpretatsii v politicheskom diskurse [Variability of the genre interpretation in political discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2017, no. 4, pp. 28–35 (in Russian).

15. Dubrovskaya T. V. Sudebnye dokumenty i rechi obviniteley kak obraztsy rechevykh zhanrov «obvinenie» i «osuzhdenie» [Judicial documents and speeches of accusers as examples of speech genres “accusation” and “conviction”]. *Filologicheskie etyudy: sb. nauch. st. Vyp. 5* [Philological studies: coll. of sci. art. Iss. 5]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2002, pp. 123–126 (in Russian).

16. Sharifullin B. Ya. Yazykovaya agressiya i yazykovoe nasilie v svete yurilingvistiki: problemy invektivy [Language aggression and linguistic violence in the light of legal science: problems of invective]. In: *Yurilingvistika-5: Yuridicheskie aspekty yazyka i lingvisticheskie aspekty prava* [Legal aspects of language and linguistic aspects of law]. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, 2004, pp. 120–132 (in Russian).

17. *Russkiy assotsiativnyy slovar: Ot stimula k reaktsii: okolo 7000 stimulov: v 2 t.* [Russian associative dictionary: From stimulus to reaction: about 7000 stimulus: in 2 vol.]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2002, vol. 1. 782 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 25.11.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лаврентьева Е. В., Стексова Т. И. Особенности жанра обвинения в политическом дискурсе // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 104–111. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-104-111

For citation

Lavrent'eva E. V., Steksova T. I. Verbal Associations as a Complementary Source of Material in Complex Study of Speech Genres. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 104–111. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-104-111